

ПУСТОЕ МЕСТО

1

То, что Павла Николаевича Виноградова сделали Академиком-секретарем, то есть, по существу говоря, главой соответствующего отделения Академии наук, никого особенно не удивило. Ну, а почему, собственно, не его?

Директор института, давно вращается в академических кругах, русский, своевременно вышедший из партии, вице-президент научного общества, главный редактор журнала, врагов практически не имеет... ну что еще? Спросите, что он в науке сделал? Что открыл? Чем прославился?

Сделал, наверное, что-нибудь, раз директор института и так далее. Про других-то Академиком-секретарей вы разве знаете, что они в науке сделали?

Павла Николаевича карьеристом назвать было бы в высшей степени несправедливо. Ни к чему такому он никогда не рвался, ибо был ленив и больше всего любил спокойную и приятную жизнь. Но если планида его была такова, что чины и почести сами шли в руки, а он их не сторонился, а наоборот, принимал широко, по-русски, благодарил и от следующих не отказывался, то кто же его в этом может упрекнуть?

А ведь все именно так и было. С самых первых шагов, когда пришел он в НИИ (тогда такой аббревиатуры не было; говорили -Институт: Институт стали, леса,

пушнины - в один из них он и пришел) сразу после войны, которая зацепила его последним годом, даже, вернее, последними месяцами; но не поранила, не опалила, а лишь придала некий боевой лоск его мирной внешности и сделала на всю остальную жизнь участником Великой Отечественной. Пришел он в это НИИ без особых амбиций, был зачислен в аспирантуру и сразу же, как было принято в те годы, погрузился в общественную работу: был секретарем комсомольской организации, выезжал с бригадой на поля, помогал в стройке, короче говоря, через пять лет с грехом пополам защитил кандидатскую диссертацию, про которую ученые мужи говорили, что может, звезд с неба там и нет, но Паша такой безобидный, приятный парень, что не пойти ему навстречу просто грех. А безобидный, приятный русский парень - кандидат наук, секретарь комсомольской организации, кандидат в члены партии - это уже большая сила, хочет он сам этого, или нет. А он захотел. Поначалу, повторяем, карьера его особенно не интересовала, да он и не знал, как за нее взяться, а тут вдруг начал чувствовать какой-то ее приятный вкус. А обстоятельства сами несли его вверх. Ему утвердили тему докторской диссертации, дали под начало небольшую группу, которая над этой темой и стала работать, а заведующий лабораторией как раз возьми и помри. Бывает же такое. Лаборатория без заведующего что корабль без капитана. Надо было срочно подыскивать нового.

Заседание дирекции совместно с треугольником было назначено на вторник, 12 часов. Заседание вел сам директор НИИ - Олег Борисович Соколов. Человек очень опытный, очень искушенный (к слову сказать, Академик-секретарь соответствующего отделения), Институтом управлял единолично, но с

соблюдением всех демократических ритуалов, как они в те годы понимались.

Было решено обсудить всех возможных кандидатов на должность заведующего. Первым в списке, конечно, стоял Марк Львович Михельсон - доктор наук, профессор, блестящий ученый с мировым именем. (Шел 58 год, и этот термин, на несколько лет изъятый из употребления, начали снова применять.) Директор назвал это имя, и все уважительно закивали. Закивали и замолчали. Что сказать? С такой фамилией, да еще беспартийный. Но сказать все-таки что-то надо было. И кто-то из присутствующих сказал вещь вполне простую, естественную и правдивую.

- Товарищи, - сказал он. - Ну, мы все понимаем, какие тут сложности. Но самое-то главное, что Марк Львович и сам к заведованию не стремится. У меня был с ним разговор. Административная работа ему в тягость, он весь в науке.

Все снова закивали, но на этот раз уже с облегчением: вопрос был решен. Со следующей кандидатурой дело обстояло сложнее.

Валентина Петровна Сапрунова - тоже доктор наук, член партии, административной работы не сторонится. Наоборот - командовать и поучать - это ее стихия. Обо всем имеет свое мнение, что еще куда ни шло, но не стесняется его высказывать, а это далеко не все любят. Со многими ухитрилась уже испортить отношения, включая (NB!) и инструктора райкома. Дирекции ясно, что если ее сегодня сделать заведующим, то завтра от ее напора, инициативы и претензий отбоя не будет.

Директор назвал эту фамилию и как бы устранился, давая возможность

высказаться другим.

Заместитель директора - Валентин Карлович Рихтер - человек тонкий и дипломатичный сказал задумчиво и как бы с сожалением

- Райком эту кандидатуру не одобрит.

- Я того же мнения, - твердо сказал директор.

Возникла некоторая пауза. - Но если не эти двое, то кто же тогда? - промолвила председатель месткома. - Но у нас же еще есть этот, как его, Винокуров, нет, Виноградов Павел... Николаевич, - сказал директор.

Кандидатура эта не вызвала ни у кого ни одобрения, ни осуждения. И тогда опять-таки заместитель директора сказал с мягкой, не для протокола, интонацией, как бы ни к кому не обращаясь: "Так ведь он вообще-то так, пустое место".

Но энергичное волевое лицо директора эту его интонацию не приняло. - Ну и что, - сказал он. - Может, это и не плохо. А потом, что значит "пустое место"? Он кандидат наук, член партии, человек молодой, энергичный, фронтовик.

- У него уже докторская на мази, - подсказал ученый секретарь.

- Ну вот, уже и докторская на мази. Стало быть, человек перспективный, мы ему все, я думаю, поможем. В конце концов, товарищи, нам надо делать ставку на молодежь. Этому нас учит партия.

Это соображение решило дело, и через несколько дней Павел Николаевич был избран на ученом совете заведующим лабораторией.

В роли заведующего Павел Николаевич оправдал доверие директора. Он оказался именно тем человеком, на которого Олег Борисович и рассчитывал: во всем согласным, гибким, лишенным особых амбиций, умеющим быть буфером между дирекцией и некоторыми строптивыми сотрудниками лаборатории. В первую очередь, конечно, - Валентиной Петровной Сапруновой - глубоко уязвленной тем, что ее обошли.

И здесь, надо сказать, Павел Николаевич проявил незаурядные дипломатические способности. Он сумел убедить Валентину Петровну, что выбор этот был полной для него неожиданностью, что сам он считает его несправедливым, тяготится возложенной на него миссией и готов в любой момент отказаться от нее в пользу Валентины Петровны. И та, строго хмурясь в начале разговора, к концу его совсем оттаяла и, как будто отмахиваясь от какой-то наползающей неприятности, говорила:

- Ну что вы, что вы, Павел Николаевич, я бы никогда в жизни на это не согласилась. Зачем мне это заведование? Я хочу заниматься наукой. Мне было просто обидно, что они со мной даже не поговорили, не посоветовались.

- Да, это как-то очень странно.

- - Да ничего тут странного нет. Вы что, не знаете нашего директора? Он же на поводу у этой дурочки из райкома. Что она скажет, то он и сделает. А вы ей, видимо, приглянулись. Вот и вся механика. А мне вас искренне жаль.

Вы -человек молодой, вам самое время наукой заниматься, а не этой административной чепухой. Я не знаю, как вы будете с нашим коллективом справляться. Они же тут все готовы друг другу в глотку вцепиться. Здесь надо очень твердо себя вести.

- Валентина Петровна, ну в этом я на вас очень рассчитываю. У вас и опыт, и характер твердый.

Валентина Петровна была дама, так, лет пятидесяти. Павел Николаевич был ей, вообще-то, симпатичен и по женской, и по материнской линии. Она милостиво согласилась быть в лаборатории тем, что сейчас назвали бы "силовыми структурами". Так что все устроилось лучшим образом: Валентина Петровна наводила в лаборатории порядок, Марк Львович давал ей научное имя, а Павел Николаевич катался из кабинета заведующего в кабинет директора, не минуя, естественно, и зала заседаний Ученого Совета.

В этом форуме Павел Николаевич скоро стал своим человеком. На заседаниях Ученого Совета обсуждались разные вопросы: поддерживались очередные решения Центрального Комитета, составлялись планы на десятки лет вперед, защищались диссертации... И постепенно вошло в привычку, что когда директор предлагал высказаться по какому-нибудь вопросу, и возникала некоторая заминка, то руку поднимал Павел Николаевич Виноградов.

- Ну, пока товарищи собираются с мыслями, я, пожалуй, скажу несколько слов, - говорил он, вставая, и директор одобрительно кивал, потому что знал, что это будут именно те слова, которых он ожидал.

Шли годы, бурь порыв мятежный развеял некоторые прежние мечты. Прогремели разоблачения, минули оттепели, и телега въехала в болото, которое, какое-то время спустя, назвали застоєм, а потом стали вспоминать с ностальгической грустью: как там было спокойно, тепло, какие были запахи, какие цены ...

Павел Николаевич за это время, конечно, пополнел, полысел, даже поседел, стал доктором наук, профессором, все как у людей; перестал на ученых советах поднимать руку первым, и тем не менее, директор мог твердо рассчитывать, что если в трудный момент устремит взгляд в середину второго ряда и скажет - Павел Николаевич, ну раз все молчат, может быть вы начнете, - тот не подведет: и слова найдет подходящие, и вывезет куда надо.

Теперь о директоре. Олег Борисович Соколов был человек по-своему незаурядный. Не человек - ступок энергии. Судите сами: директор большого НИИ, уже сказано, но плюс к этому - Академик-секретарь, главный редактор журнала, член Бюро, член Президиума, Президент Всесоюзного научного общества, Президент общества дружбы с зарубежными странами (на общественных началах), председатель комиссии по ... хватит? Или все перечислять? ... И ведь самое главное, нигде не халтурил, или халтурил не больше чем это

предполагало само положение дел - ко всему относился ответственно, реагировал молниеносно: вбежит, или, вернее, влетит, просмотрит (просмотрит! Другие даже не просматривали), подпишет, и - вперед. И чем больше на себя дел взваливал, тем больше его энергии прибывало. Никогда не хныкал, не жаловался, всюду успевал... Однажды на какое-то важное заседание не успел, пропустил что-то, и кто-то из начальства не то что его упрекнул - упрекнуть такого человека никто бы не посмел - но заметил, что "как же, мол...", и Олег Борисович рассмеялся, взял это начальство под локоть и сказал: "Дорогой мой, да если бы в сутки еще два часа добавить, ей богу бы успел". Вот какой это был человек. Казалось, сноса ему не будет, так нет же.

Жаркое было лето, очень жаркое. Ехал он с одного заседания на другое, и в тоннеле под площадью Маяковского шофер увидел в зеркальце, что он как будто сползает с сидения. Шофер к тротуару подрулил, обернулся, а он уже хрипел - вот и вся недолга.

Говорили красиво, искренне, проникновенно. И про "в расцвете творческих сил", и про "безвременный уход", и про "незаменимых нет, и тем не менее" ... все говорили, и все же: "Le Roi est mort! Vive le Roll!" (Король мертв! Да здравствует король!), а где взять?

Президент Академии наук обсуждал у себя в кабинете ряд вопросов с зам. начальника отдела науки ЦК и, когда очередь дошла до замещения поста директора НИИ вызвал Главного ученого секретаря президиума АН, который не замедлил явиться, лишь на мгновение притормозив в приемной, и показав глазами

на дверь, спросил у секретарши: "Кто там у него?". "Семен Иванович", - не поднимая глаз от бумаг, ответила секретарша, и Главный, прикинув, что бы это могло значить, открыл дверь кабинета.

Президент не любил прелюдий. Он всегда был сосредоточен на том вопросе, который решал в данный момент, и речь его была инструментом решения этого вопроса, и чем ближе к сути, тем лучше.

- Надо решать вопрос с директором Соколовского Института, и так все уж очень затянулось, что вы об этом думаете? Да вы садитесь.

- Семен Иванович, я вас приветствую, - сказал Главный улыбаясь и протягивая руку цеховскому начальнику, с Президентом он уже в этот день раза два встречался.

Главный ученый секретарь - Арташес Сергеевич Мирзоян - был, можно сказать, всеобщим любимцем Академии. Молодой (52 года), живой, веселый, обаятельный, - он умел вопросы, даже самые сложные, решать легко, походя, как бы в шутку: ну что решается, то решается, а что не решается - пусть сама жизнь разбирается, ей видней. Открытый, приветливый, доброжелательный - но палец в рот не клади. Посетители, а это были сплошь да рядом люди стреляные: директора Институтов, академики, - выходили из кабинета Главного ободренные, обнадеженные, и только спускаясь по лестнице в раздевалку, вдруг соображали, что недосчитываются нескольких пальцев, а порой еще носа и ушей.

- Можно, конечно, варяга, - продолжал Президент - желающих

сколько угодно: и Акимов, и Гершензон, и этот академик из Новосибирска, забыл его фамилию..., но не хочется. Институт большой, с традициями, со своей школой. Лучше бы, конечно, кого-нибудь из своих.

- Рихтер Валентин Карлович. - сказал Главный ученый секретарь, откидываясь на спинку кресла напротив стола, за которым сидел Президент. Сказал и поднял брови.

Да, Рихтер Валентин Карлович, кто же, если не он? Всю жизнь в Институте. Прошел путь от младшего научного до заместителя директора. Ну, разумеется, профессор и все прочее. Ну, разумеется, член партии, член партбюро и все такое. И при этом серьезный ученый, хороший методист, аккуратный, скрупулезный... Может быть, без полета, без особых фантазий, но зато и халтуры никакой не допустит. Все знают, если работа подписана Рихтером, стало быть все в порядке. Дальше, будем уж говорить все, как есть: фактически, тянет Институт уже много лет. Ведь Олег Борисович, как уже было сказано, вбежит, или, вернее, влетит, подпишет... а каждодневная работа? Все эти отчеты, планы на десять, на пятьдесят лет. Сколько открытий предполагается сделать? Сколько миллиардов рублей сэкономить? А в иностранной валюте? ... Этого повысь, этих разними. .. А из Академии еще один циркуляр пришел. Его только прочесть (не говоря уже - понять) полчаса уйдет, а велено обсудить со всеми заведующими и дать ответ - крайний срок - послезавтра ... Это-то все на Рихтере. И он все это тянет, и тянет умело, дипломатично: нужных людей находит, роли распределяет, с начальством ладит... но даром-то это все не проходит, обида то тоже накапливается, всегда ведь на вторых

ролях, и в конце концов, как в том анекдоте (весь приводить не буду): "как двор подметать, так мне, а как премию, так управдому". Один раз угодил в больницу, сказали прединфарктное состояние. Но Бог миловал.

Так кому же, как не ему? А если так, то почему Главный произнес его фамилию, поднял брови и замолчал, и на лице у Президента не появилось, если так можно выразиться, никакого выражения, и Семен Иванович опустил глаза и как бы задумался о чем-то другом? К чему бы все это?

Темная лошадка - вот к чему. Каждый про себя, может быть, не именно эти слова произнес, но подумал именно это.

Отец Рихтера был в свое время репрессирован, а он, поступив в Институт, не то чтобы это скрыл, но как-то не сразу сказал. И ему это так не сошло. Пришлось отрабатывать в поте лица и на общественном, и на партийном поприще. И он это делал, и делал вполне успешно, но в душе своей, видимо, затаил что-то. И это "что-то" с годами разрослось в обиду, в ущемленность, в озлобленность на тех, кому все давалось легко и кто (так, по крайней мере, он считал) были намного глупее и бездарнее его. "Правая рука Соколова", - так про него говорили и думали, что ему это очень приятно. А он то этому Соколову знал цену, и себе тоже знал.

Никогда, или почти никогда эти подводные течения на поверхность не выходили, но интуиция говорила, что за его мягкими манерами, приятной улыбкой, разумной речью таится что-то жесткое, даже жестокое, что в любой момент может прорваться наружу. И оно-таки прорывалось. И прорывалось не где-нибудь, а на трибуне Академии наук, где он представлял вместо

директора. Он, правда, тут же поправлялся, закрывал этот прорыв обаятельной улыбкой, извиняющимся движением руки, но люди такие вещи не забывают. Иной оратор может нести черти-что - никто на него внимания не обратит: ну хам и хам, что с него взять. Но когда из такого человека как Рихтер выплескивается озлобленность, с которой он хотел бы, да не смог справиться, - это совсем другое дело. Тем более, что озлобленность эта была однажды направлена против самого Арташеса Сергеевича Мирзояна. А Главный Ученый секретарь Академии наук - человек широкий, открытый, доброжелательный - никогда ничего не забывал, и никогда никому ничего не прощал.

Президент не любил ситуаций, которые слишком затягивались. - В сущности говоря, - сказал он, - Я против него ничего не имею. Ученый он, конечно, не бог весть какой, но ... знаем мы его давно. .. если ничего лучше нет, давайте остановимся на этой кандидатуре.

- Есть там еще этот, Виноградов Павел ... Петрович, кажется. Тоже доктор наук, профессор, воспитанник Института, член партии, фронтовик, человек очень порядочный, открытый. Я думаю, коллектив его поддержит.

Семен Иванович как-то ожил и одобрительно закивал. Президент пожал плечами.

- Я никогда про такого не слышал.

- Нет, слышали, Игорь Иванович, - сказал Главный, - припомните, когда вы выступали на Сессии с новой программой, он очень активно и очень толково вас поддержал. Ну, припомните, такой - невысокого роста, лысоватый. Он

выступал третьим, по-моему, после Игнатова.

- А, да, да - припоминаю, - сказал Президент, - Хорошее впечатление.

- Насколько я информирован, - подал голос Семен Иванович, - покойный Олег Борисович именно его называл как своего преемника на посту директора.

-Ах, даже так!

- Ваша информация, как всегда, достоверна, - улыбнулся Главный, - Да, чем больше я сейчас об этом думаю, тем больше эта кандидатура кажется мне подходящей. А там, как общее собрание постановит.

Президент не любил эти дипломатические штучки, когда в них не было особой необходимости.

- Да как оно постановит? Как мы решим, так и постановит.

Хорошо, я вызову его, поговорю с ним. Давайте пока на этом и остановимся.

- Я больше вам не нужен, Игорь Иванович? - спросил Главный.

- Пока, как будто нет. А вы, Семен Иванович еще немного задержитесь. У меня есть еще несколько вопросов.

Визит Виноградова к Президенту не улучшил приятного впечатления, которое тот произвел на него на Сессии. Игорь Иванович быстро понял, с кем имеет дело, но в то же время понял и то, что Павел Николаевич человек не вредный, не опасный, и так сказать, вполне управляемый. Немного поморщась, без особого восторга, он дал добро на избрание Виноградова директором Института.

Оставалась одна маленькая деталь, которую надо было отрегулировать - сделать так, чтобы Рихтер «не возникал». Ну конечно, решение Партбюро,

которому он, как член партии, должен был подчиниться. .. Но мало ли на что может пойти глубоко уязвленный человек, так долго ждавший своего часа, незаслуженно отстраненный, решивший, что терять ему уже нечего ... Надо было найти какой-то хороший предлог.

Отец Рихтера, как мы уже сказали, был репрессирован. В былые времена это обстоятельство было бы вполне достаточным предлогом. В былые, но не сейчас, в 85-м году, когда оно стало скорее козырем, тем более, что отец был, конечно, репрессирован незаслуженно и незаконно. Стало быть, надо было найти что-нибудь еще. Но что? А вот что.

В 1968 году на долю Рихтера выпала удача - он был на полгода командирован в Америку, где работал в крупном научном центре. В результате этой работы в международном журнале появилась его совместная с американскими коллегами статья, на которую он не имел разрешения Главлита. Статья не содержала никакого секретного материала, посвящена была чисто научной проблеме, но по тем временам появление публикации без разрешения цензуры рассматривалось как несомненная крамола. Как это могло получиться? Как такой осторожный, педантичный человек как Рихтер мог себе это позволить -объяснять не беремся. Может быть, попав в нормальную научную среду, он просто забыл обо всей этой противоестественной игре: об "актах экспертизы", справках, формах N103 и т.д.; может быть, ему было неудобно признаться американским коллегам, что ему нужны какие-то специальные разрешения; может быть, решил, что получит это разрешение задним числом, а пока никто и не заметит. Трудно сказать. Но

и заметили, и отметили, и сообщили "куда нужно", то есть, в органы госбезопасности, где такие вещи очень не любили, и на много лет стал Рихтер человеком не выездным.

Однако, прошли годы, и в то время, о котором повествуем, органам госбезопасности было на всю эту историю давно наплевать: и у них было, надо думать, много других забот. Но вся прелесть этих органов состояла в том, что ведь ты к ним не пойдешь и не спросишь, "так, мол, это, или не так?", и сами они с объяснениями тоже не спешили. А поэтому всяким "инстанциям" всегда было удобно намекнуть, что мы-де не против, но... И вот, одно лицо, занимавшее высокую ступень на академической лестнице, поговорило с Рихтером в неофициальной форме и сказало ему примерно следующее.

- Валентин Карлович, - дело, конечно, ваше. Но лично я бы на вашем месте сейчас воздержался. Судите сами: вам засветила такая интересная, такая престижная поездка в Англию. И я из достоверных источников знаю, что этот вопрос уже положительно рассматривается на самом высоком уровне. Не дай бог, всплывет опять эта дурацкая история с американской статьей. Знаете, всегда найдутся доброжелатели, которые постараются все раздуть. И сюда не пройдете, и туда не поедете. К чему вам это? Да не сомневайтесь, будут у вас еще предложения, не менее заманчивые, чем директорство в этом институте, который, прямо скажем, не подарочек, это вы лучше меня знаете. Рейтинг у вас в Академии очень высокий, это я хорошо знаю, так что сейчас важно не сделать какое-то, так скажем, неверное движение... Поэтому-то я и решил с вами так откровенно поговорить. Ну, а последнее слово, конечно, за вами...

И Рихтер спасовал. (А что ему еще оставалось делать?). Спасовал, затаив глубокую обиду на судьбу, которая уготовила ему всю жизнь играть только вторые роли. Ему, человеку умному, одаренному, не щадящему себя на поприще служения науке – только вторые. А Виноградову, который ни то, ни другое и ни третье – первые. За что это? Ах, судьба, судьба...

Впрочем, было бы неверно сказать, что сам Павел Николаевич не принимал в решении своей судьбы никакого участия. Совсем наоборот: он несколько раз побывал в Академии, пообщался с нужными людьми, нашел случай встретиться с Главным ученым секретарем и дал ему понять, что в случае чего тот может целиком на него полагаться; не без ведома Павла Николаевича верные ему люди напомнили в высоких инстанциях фразу как-то брошенную Соколовым (он на что-то обозлился на Рихтера), что он считает Виноградова наиболее подходящим своим преемником. Короче говоря, Павел Николаевич подсуетился и энергично, и своевременно... Но что стоят все наши усилия и вся суета наша, если светила расположены иначе. Когда же Павел Николаевич узнал, что светила расположены как нужно, то имел с Рихтером конфиденциальный и очень эмоциональный разговор. Он сказал (не вполне искренне), что такой поворот событий для него полная неожиданность. (Хотел сказать, но что-то его удержало, что считает Рихтера кандидатурой значительно более достойной). Сказал, что целиком на него полагается, рассчитывает на его помощь и поддержку, и что если Рихтер не согласен остаться на посту заместителя (а такие разговоры поползли), то откажется от директорства (тут он малость слукавил). Валентин Карлович был

очень сдержан, за время разговора не проронил почти ни одного слова, но и от предложенной ему, по существу говоря, роли "серого кардинала" тоже не отказался.

Так что, в каком-то смысле, повторилась ситуация, которая имела место быть много лет назад с Валентиной Петровной Сапуновой, только повторилась, как учили нас классики Марксизма-Ленинизма, на более высоком, более, так сказать, совершенном витке спирали.

III

Быть директором большого НИИ - отнюдь не сахар. Но это - как посмотреть. Если не принимать всерьез интересы просителей, которые без конца толпятся у дверей кабинета; если впускать в одно, а выпускать в другое ухо бесчисленные приказы, инструкции, циркуляры, которые поступают сверху; если не стремиться, чтобы возглавляемый тобой институт шел в авангарде и т.д.; если, наконец, иметь за спиной такого зама как Валентин Карлович Рихтер, - то, плохо-бедно, но жить можно. Тем более, что грянули перестроечные годы, и перед руководителем такого масштаба как Павел Николаевич Виноградов открылись новые, невиданные ранее, перспективы.

"А еще жизнь хороша тем, что можно путешествовать" - так, или примерно так, сказал Пржевальский. И Павел Николаевич, прежде за границей почти не бывавший (языки он знал плохо, мировой культурой интересовался не слишком), вдруг оценил эти слова великого путешественника. И хотя, по правде говоря, ни улочки Парижа, ни соборы Рима не произвели на него особого

впечатления, а все картинные галереи казались похожими друг на друга, но сама возможность уехать, развеяться, вырваться из трясины ученых советов и директорских совещаний, не видеть осточертевших физиономий сотрудников, подставить лицо свое ветру странствий, сделалась неотвратимо заманчивой. А жизнь открывала все новые возможности. Разные формы научного туризма, как тогда говорили, делались все более разнообразными и изощренными. Например: "Борьба ученых с ядерной угрозой" - как возвышенно, как благородно! И что приятно, так это то, что в основе своей - все со всем согласны, никаких противоречий, никаких конфликтов. Но какие речи! Какие тосты!

Почему бы, в самом деле, не съездить за государственный счет в Японию и не убедить тамошних коллег, что еще одна атомная бомба счастливее их не сделает. А на обратном пути заехать в Чехословакию, там юбилей какого-то их великого ученого, фамилию забыл. А вот профессор из Болгарии. "Павел Николаевич, вы не забыли, что мы вас в сентябре ждем. У вас пленарный доклад. И потом мы уже продумали, чтобы вы могли пару дней провести на берегу моря... Мы знаем вашу занятость, но пару дней, мы уж постараемся...". Болгария, конечно, не бог весть что, но пляжи там, говорят, хорошие. "Да, да, я помню". И тут начальница международного отдела, которую он мягко называет "мой министр иностранных дел", наклоняется к нему и шепотом напоминает: "Павел Николаевич, вы не забывайте, что у вас в сентябре Швейцария". "Ах, да, еще эта Швейцария, черт бы ее взял!"

И все же не надо стучать краски. Не одними путешествиями был занят Павел Николаевич. Будучи человеком отнюдь не глупым и слишком давно

вращающимся в научных кругах, он понимал, что положение директора кое к чему обязывает. По его наблюдениям, оно обязывало по крайней мере к двум вещам. Во-первых, директор института должен быть крупным ученым, во-вторых, он должен быть не "из-под забора", но представителем какой-нибудь серьезной научной школы.

Начнем с первого. Крупный ученый характеризуется тем, что является создателем какой-нибудь научной теории. Поначалу задача эта показалась Павлу Николаевичу не под силу. Но затем, оглядевшись и поразмыслив, он понял, что дело совсем не так безнадежно, что создать научную теорию, в сущности говоря, не так уж и сложно.

И вправду, если просмотреть научную литературу по своей специальности, всегда найдется большое количество работ, в которых есть что-нибудь общее. Общность эту надо аккуратно извлечь (это, пожалуй, самый деликатный этап в создании теории) и подобрать для нее соответствующую словесную аранжировку. На этом, втором по важности, этапе надо обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, аранжировка должна быть не слишком короткой (ибо может возникнуть соблазн сократить еще, и тогда станет видно, что роль то ... ну и так далее), во-вторых, она должна быть не слишком длинной - иначе станет скучно. Далее, аранжируя свою теорию, очень хорошо привести какие-нибудь принципы, заимствованные из другой науки: скажем, если создается литературная теория, то ее уместно насытить психологическими терминами; если теория биологическая, то очень солидно звучат слова,

заимствованные из физики и математики. Но даже если таких заимствований и не делать, то все равно, в формулировку теории обязательно вставить два-три сугубо иностранных слова, что придаст ей универсальный и вселенский характер.

Не будем более детально анализировать принципы создания теории. Каждый сотрудник, повращавшийся в научной среде, довольно быстро постигает их чисто интуитивно. Позволим себе лишь маленькое, как сейчас говорят, "культурологическое" отступление.

Марк Аврелий в книге "Наедине с собой" приносит благодарность ряду людей, оказавших на него влияние. В частности, он пишет, что обязан своему наставнику и другу философу-стоику Юлию Рустику тем, что "... не занимался сочинительством теорий ...". Но Павел Николаевич был не Марк Аврелий, и творил не в эпоху расцвета империи, а, наоборот, в период ее декаданса. А потому, в отличие от римского императора, "сочинительством теорий" занимался, и, скажем прямо, делал это небезуспешно. Тем более, что занятие это - благодарное во всех отношениях. Во-первых, сотрудники института, сидевшие по своим углам и занимавшиеся какими-то частными вопросами, в один прекрасный момент узнают, что все они распахивают общую ниву, а это, вообще-то, приятно; во-вторых, аспиранты не ломают голову, как начать диссертацию, ибо начало уже готово: "В соответствии с теорией П.Н. Виноградова ..."; в-третьих (и это, может быть, наиболее существенно), в высоких академических кругах не надо каждый раз соображать, чем занимается данный институт - известно чем - разрабатывает теорию, созданную его директором. Короче говоря, все в накладе, и никто не в убытке.

Кстати, то, что теория создана именно директором, играет далеко не последнюю роль. В самом деле, предложи такую теорию простой научный сотрудник или, не дай бог, аспирант, его разнесут в пух и прах на ученом совете и предложат заниматься конкретным делом, а не "сочинительством теорий". Другое дело, когда такую теорию предлагает руководитель научного учреждения. В этом случае она является обобщением многолетней работы большого коллектива, плодом длительных, неустанных размышлений.

Еще одна важная деталь. Современная наука, подобно большевикам в первые годы их правления, питает непреодолимую страсть к разного рода аббревиатурам: ЯМР, НЛО, ВЧК. И Павел Николаевич, желая идти в ногу с веком, придумал для своей теории аббревиатуру из трех букв (не подумайте плохого) - ТОП. Аббревиатура эта была быстро подхвачена, и Павел Николаевич, сидя на разного рода заседаниях и конференциях, не давая себе труда вникнуть в смысл того, что говорил очередной выступающий, слышал постоянно: ТОП-ТОП, ТОП-ТОП, и одобрительно кивал головой.

Так что, с созданием теории он справился успешно. Теперь о серьезной научной школе.

Павлу Николаевичу наиболее естественно было бы быть учеником и последователем Олега Борисовича Соколова. Так-то оно так. Но, скажем прямо, Олег Борисович пронесся как метеор по небосклону науки. Он оставил глубокий след в благодарной памяти людей, лично его знавших, но в науке, увы ... Надо было бы найти кого-нибудь с мировым именем, тем более, что наступали времена, когда важный академик, лауреат государственных премий, герой

социалистического труда, про которого слыхом не слыхали на Западе, тускнел у себя на родине, а какой-нибудь профессор, которого к Академии и близко не подпускали, но успевший опубликовать несколько статей в международных журналах, вдруг становился знаменитостью и в родном краю. Да, сложные времена, непонятно, хорошие, или плохие, но ... сложные. И ясно, что надо было искать кого-нибудь с мировым именем... А раз надо, так и найдем, какое дело! Недаром говорили, что Павел Николаевич в рубашке родился. Именно в ней он и родился. А дело было так.

В молодые годы, еще будучи аспирантом, Павел Николаевич был послан на стажировку в лабораторию самого Владимира Владимировича Петрова-Разумовского. Наверное, всякий это имя слышал, но если кто не слышал, то скажем, что Владимир Владимирович был несомненно самый крупный авторитет в своей области. Сам Нильс Бор говорил, что мог бы многому у него поучиться. Чтобы поднять авторитет профессора Петрова-Разумовского на еще большую высоту, его в 49-м году посадили, а в 53-м выпустили, сразу же после этого выбрав действительным членом Академии Наук СССР (почетным членом многих Академий мира он был и до того). И вот в лабораторию такого человека был ненадолго, месяца на два, послан на стажировку тогда еще молодой Паша Виноградов. Мы не оговорились, сказав "в лабораторию". Дело в том, что руководить чем-нибудь большим, чем лабораторией Петров-Разумовский отказывался наотрез. Он говорил, что и лаборатория то - слишком много, и что на самом деле руководить можно от силы двумя-тремя молодыми сотрудниками. Его коллеги - академики, директора институтов, которые ничтоже сумняшись

управляли целыми полчищами подчиненных, слушая его, улыбались и кивали головами, воспринимая эти кощунственные речи как чудачества, простительные гению.

Владимир Владимирович был человек живой, веселый, и атмосфера в его лаборатории тоже была веселая и непринужденная. Постоянно отмечались какие-нибудь праздники, чьи-нибудь дни рождения, постоянно толклись какие-нибудь гости из того, что стало теперь ближним зарубежьем, и настоящие иностранцы.

И вот после одной из таких вечеринок осталась фотография: нет, не Петров-Разумовский в обнимку с Виноградовым (хотя, говорят, была и такая, но, к сожалению, не в фокусе), но вот, на диване сидят несколько человек, в центре - Владимир Владимирович, а сзади - второй слева Паша Виноградов, и именно к нему обращается Владимир Владимирович, очевидно, с одной из своих шуток.

Павел Николаевич фотографию увеличил, повесил в своем кабинете на видном месте, и в один прекрасный день сотрудники, всю жизнь проработавшие с Петровым-Разумовским, узнали, что истинным то продолжателем дела учителя являются отнюдь не они, а какой-то Виноградов, которого никто из них толком уже и не помнил. Бывшие ученики и сотрудники начали было протестовать. Но кто были они? В основном, пенсионеры, в лучшем случае, научные консультанты, разбросанные по разным институтам и кафедрам, а кто был Виноградов, мы уже сказали.

Впрочем, сам Павел Николаевич, как только до него дошли эти разговоры, на

первом же публичном выступлении в Академии громогласно заявил, что, само собой разумеется, дело своего учителя продолжает не он один, но многочисленные коллеги и ученики Петрова-Разумовского, и в первую очередь... - он назвал имя одной дамы, которая, как принято говорить в научных кругах, была любимой ученицей Владимира Владимировича.

Так что с научной школой все тоже утряслось, и теперь, когда фамилия Павла Николаевича упоминалась в высоких академических кругах, то ученые кивали головами и говорили: Виноградов - это ТОП, ученик Петрова-Разумовского? Ну как же - человек известный.

Известный ученый, директор института, ученик Петрова-Разумовского естественно, скоро был избран членом-корреспондентом, а затем и действительным членом Академии наук.

Процедура выборов в Академию наук - это увлекательнейший сюжет, который, несомненно, заслуживает отдельного повествования. Какой типаж! Какие хитросплетения! Какие интриги! Как работать со списком голосующих? Одному можно позвонить и сказать попросту: вот вы мне то-то, а я вам то-то, и ладушки. А другому звонить -ни-ни, даже подумать не смей, все испортишь. Есть и, так сказать, наиболее нейтральный, обкатанный вариант: "Александр Васильевич, это вас беспокоит Павел Николаевич Виноградов. Помните меня? Ну, это мне очень лестно. Да, да, ученик Владимира Владимировича... Александр Васильевич, мне неудобно к вам обращаться, но если бы вы сочли возможным поддержать меня на предстоящих выборах ... Да? Правда?! ... Ну, огромное вам спасибо, огромное спасибо." Вешает трубку и думает: к сожалению, против этой

фамилии надо определенно поставить минус... Нет, повторяю, сюжет этот слишком увлекателен, чтобы касаться его так, походя... Бетховен говорил, что достиг известного совершенства, когда перестал стараться вложить в одно произведение все свои мысли. последуем и мы примеру великого мастера и попытаемся быть чуть-чуть более совершенными. Может быть, когда-нибудь рука снова потянется к перу, перо к бумаге...

Может быть, когда-нибудь... а пока вернемся в институт, которым управлял Павел Николаевич. Нельзя сказать, чтобы под руководством Павла Николаевича институт этот процветал, наоборот, если уж говорить все начистоту, то под руководством Павла Николаевича институт постепенно разваливался. Став членом Академии, Павел Николаевич большую часть времени проводил на разных высоких заседаниях и комиссиях или уезжал за границу, оставляя за себя Рихтера. Если ему случалось перед отъездом быть в кругу близких ему сотрудников, то он говорил с усмешкой: "Валентин Карлович все время рвался к власти, вот пусть и властвует на здоровье, а я поехал".

Но, надо сказать, что Рихтер несколько изменился за это время. В какой-то момент он решил, что раз директору на все наплевать, то ему тоже "не больше всех нужно", и тоже ударился в странствия. Его командировка в Англию была действительно очень удачной, за ней последовало еще несколько интересных приглашений: ведь как никак, а на Западе Рихтера знали именно как ученого. К тому же высокопоставленное лицо, имевшее в свое время беседу с Валентином Карловичем, не обмануло его, и начали поступать весьма престижные предложения вплоть до заведывания кафедрой Московского Университета. Но,

будучи приложенным, как говорится, мордой об стол, Валентин Карлович вдруг как-то потерял интерес к высокому администрированию. "Хорошо красное яичко ко Христову дню". Когда ему этого хотелось, судьба не пошла навстречу, ну а сейчас времена изменились. .. вот на столе приглашение из Америки, из того института, где он когда-то работал, на полгода, а если дело пойдет, то контакт можно будет и продлить... есть над чем подумать. А институт? Ну что же институт. Подрастает новое поколение. На время его отсутствия можно подыскать и какую-нибудь замену...

Да, под руководством Павла Николаевича институт постепенно разваливался. Но что там институт, когда под руководством отнюдь не Павла Николаевича, а совсем других людей разваливалась вся страна. Так что позволим себе некоторую игривость и скажем, что здесь, как и во всем Павел Николаевич шел в ногу со временем. Все сотрудники были им недовольны, все его ругали, и всех он, в конце концов, устраивал.

Теперь сделаем маленькое отступление и поясним читателям, не работающим в научно-исследовательских институтах и вообще не имеющим отношения к науке, как устроена иерархическая пирамида Академии наук. Дело обстоит так. Институты, занимающиеся примерно одним и тем же, объединены в так называемое "Отделение". Отделением руководит Академик-секретарь, который, стало быть, является главой соответствующей науки в нашей стране. Выше по научной лестнице - Главный ученый секретарь президиума АН, выше Президент Академии Наук, выше - только звезды.

И вот в "Отделении", где работал Павел Николаевич, с кандидатурой Академика-секретаря все как-то не ладилось. Образцовым Академиком-секретарем много лет подряд был Олег Борисович Соколов, но он умер. Замену было найти трудно. Последовало несколько и.о., которые никого не устраивали. Потом в соответствии с духом времени (это был конец застойного периода) Академиком-секретарем сделали одного старого академика, которому через несколько месяцев должно было исполниться 80. Ученый старец старался как мог, но мог он, увы, уже не много. Способность ориентироваться в обстановке, принимать решения, и другие качества, приличествующие руководителю такого ранга, с годами несколько притупились, и то, что прощали членам Политбюро, не захотели простить ему. Надо было просить его самого подать в отставку. Разговор этот был непростой, и Игорь Иванович думал о нем, мягко говоря, без удовольствия. Неожиданно все оказалось значительно проще. Как только Президент сказал, что "Хотя под вашим руководством достигнуты несомненные успехи, и уже одно ваше имя...", старый академик сразу сообразил, к чему тот клонит, и сказал, что сам давно мечтает об освобождении и только стесняется завести этот разговор. Расстались они очень душевно, вспомнив молодые годы, проведенные в лагерях отнюдь не пионерских.

Наступили перестроечные годы, и, опять-таки в духе времени, Академиком-секретарем сделали одного молодого директора института из Новосибирска. Молодой академик начал все к чертовой матери перестраивать, и преуспел в этом так, что через полгода семь директоров институтов обратились к Президенту - либо он, либо мы. Пришлось его убирать.

Во всех "Отделениях" было более или менее благополучно, ни об одном из них не болела голова у Игоря Ивановича, и только в этом вот злосчастном "Отделении" все почему-то было не Слава Богу.

Президент вызвал к себе Главного ученого секретаря и имел с ним серьезную беседу.

- Надо, Арташес Сергеевич, этот вопрос в конце концов решать. Дальше так продолжаться не может. Неужели нельзя найти подходящую кандидатуру? Не надо ничего особенного. Только чтобы это не был такой - он хотел сказать, маразматик, но что-то его удержало - такой старый как Олег Александрович или такой сумасшедший как этот, забыл его фамилию, из Новосибирска.

Арташес Сергеевич напомнил.

- Да, да, именно этот... Пусть даже не будет слишком крупный ученый. Их тут и так хватает. Пусть даже особо ничего и не делает, событий тут, сами видите, и так хоть отбавляй. Надо, чтобы это был человек, конечно, с именем, спокойный, уравновешенный, контактный....

В тоне Президента были недовольство и раздражение, а во взгляде, устремленном на свою "правую руку" - ожидание и надежда.

Арташес Сергеевич откинулся на спинку кресла, лицо его как будто застыло. С минуту оба молчали. Затем черты лица Главного ученого секретаря обрели прежнюю живость, в глазах забегали искорки. Он выпрямился в кресле.

- Есть такая партия, Игорь Иванович! - воскликнул он.

Через две недели Павел Николаевич въехал в свой новый кабинет на

Ленинском проспекте.

IV

Нина Васильевна Рыжова работала секретаршей Академика-секретаря, можно сказать, с незапамятных времен. Это была добрая русская женщина: радушная и приветливая, умевшая создать в приемной своего очередного высокого хозяина атмосферу одновременно и деловую и домашнюю.

Когда новый Академик-секретарь первый раз появился в дверях своего кабинета, она поднялась ему навстречу со словами:

- Ну, наконец-то, Павел Николаевич, а мы уж заждались.

Прошло несколько дней, и Нина Васильевна с развитым в ней профессиональным чутьем, уже, можно сказать, насквозь видела своего начальника, тем более, что тот был человек простой и незамысловатый. Придя в один из этих дней в свой кабинет, Павел Николаевич захотел посидеть там, ничем не занимаясь - просто оглядеться, отдохнуть, подумать...

- Нина Васильевна, - сказал он, - мне нужно серьезно поработать, так что, пожалуйста, никого ко мне не пускайте и ни с кем не соединяйте. ... Ну, конечно, если Игорь Иванович или что-нибудь в таком роде, тогда другое дело, а так больше ни для кого меня нет.

- Не беспокойтесь, Павел Николаевич, никого к вам не пущу. Работайте спокойно. А еще лучше, - Нина Васильевна посмотрела на него с материнской улыбкой, - еще лучше просто посидите спокойно,

отдохните, успеете еще, наработаетесь. Хотите, я вам чайку принесу, крепкого с лимончиком? Мне вчера пачку "Слона" достали - настоящего: не эту гадость, которую сейчас в коммерческих палатках продают, а такой, как мы раньше пили - вкусный, ароматный.

Павел Николаевич благосклонно закивал. Между ним и его секретаршей с первой же их встречи возникла взаимная симпатия.

Нина Васильевна принесла чай и, не докучая больше разговором, закрыла за собой дверь.

Павел Николаевич отпил глоток действительно прекрасного чая и откинулся на спинку кресла. Слева от него за большим окном качали зелеными головами деревья Нескучного сада, где-то внизу текла вечная Москва-река, а вокруг раскинулся этот огромный магический город, и в центре этого города - цитадель науки - Президиум Академии Наук... Павел Николаевич прикрыл глаза.

Вот и достиг он высшей власти... А было ли счастье в душе его? Трудно сказать, черт его знает... Много всего было в жизни: и почести, и наука, и путешествия, и разные выступления; и все это было вообще-то хорошо и интересно, и в то же время - к чему все это? Странное какое-то ощущение: и хорошо, и интересно, и в то же время непонятно - зачем? Кому все это нужно? Правильно Иисус Христос говорил - все суета сует... Или это не он говорил, а кто-то еще из них.

Павел Николаевич стал смотреть на картину, висевшую на стене напротив. В разные времена разные лица смотрели с картины на сидевших в кресле Академиком-секретарей: и величавый Сталин, и простоватый Хрущев, и Андропов с

улыбкой Джоконды, и Брежнев без всякой улыбки.

Последний хозяин кабинета выбрал для картины сюжет вроде бы нейтральный, вроде бы, на все времена. Но в свете последних разоблачений, может быть, и его придется менять.

Светлый мартовский день. Мягкий солнечный свет, голубые тени. У деревенской околицы, опершись на плетень, в простенькой телогрейке и кепочке стоит Ильич; на плече у него старенькое ружьишко. А впереди, шагах в тридцати, на снегу сидит лиса и греется на весеннем солнце. Лицо у Ильича задумчивое, просветленное, ему и в голову не приходит снять ружье, чтобы застрелить лису. Зачем убивать живую тварь? Пусть живет, пусть радуется жизни. Кругом все так красиво, так гармонично. И как вообще все могло бы быть хорошо в мире, если бы... эти сволочи, меньшевики, не гадили все время.

Что-то неприятное стало подниматься в душе Павла Николаевича. Он вспомнил, как высокомерно разговаривал с ним Президент. Это Арташес Сергеевич сказал ему: сходи к Игорю Ивановичу, поблагодари. Он лично много сделал, чтобы тебя назначили. И Павел Николаевич сходил и поблагодарил, и поклонился, и Президент скорчил кислую рожу и процедил: "ладно, ладно, главное, работайте". "Главное, работайте!", а то он всю жизнь не работал. "Лично много сделал!" Сделал, потому что им это было надо. Надо было дыру кем-нибудь заткнуть, а на это место не так-то много и охотников бы нашлось. "Лично, видите ли, много сделал". Ну не делал бы, с меня и поста директора института вполне хватало. Как Владимир Владимирович говорил: на что мне эти

неуправляемые легионы? - умный был человек, царство ему небесное... Хорошее решение художник нашел - красное пятно на белом фоне. Только что-то у Ильича одна нога длиннее другой. Или это только отсюда так кажется...

До Павла Николаевича и раньше доходили пренебрежительные высказывания Президента в его адрес. "Теория остаточных переменных", видите ли, кажется ему слишком аморфной. Ну что же? Может, так оно и есть. Это - общая теория. А сам то ты какую теорию создал? Сам то чем в науке прославился? Только тем, что в 37 году посадили, и пару лет в лагерях продержали. Конечно, большая научная заслуга! Ну а еще что? Герой социалистического труда! Знаем мы, как этих героев получали. Работа выполняется по личному распоряжению Никиты Сергеевича. Лично он и распорядился звездочку повесить. Только мы то знаем, кто эту работу делал, и какая ей на самом деле красная цена... Ну взял бы, да пристрелил, Надежде Константиновне на воротник... Индюк надутый! Когда надо, так мы свою спесь куда-то прячем, и становимся очень даже ласковым и улыбчивым. Это здесь с подчиненными можно слова сквозь зубы цедить и великого человека из себя изображать. А на самом то деле, какой от тебя прок? На самом то деле что ты собой представляешь? Так, ничего - пустое место.